

Рудкович С.П.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**Влияние социальных сетей на криминализацию деяний на примере
ужесточения ответственности за диверсионную деятельность**

Работа подготовлена с использованием системы КонсультантПлюс

Социальные сети стали частью нашей жизни: быстрый, доступный способ на расстоянии делиться своей личной и профессиональной жизнью. Однако в последние годы социальные сети стали пространством, привлекательным для склонения к осуществлению преступной деятельности, в том числе и диверсионной, что безусловно повысило общественную опасность некоторых деяний диверсионной направленности, а впоследствии повлекло их криминализацию.

Так, 29 декабря 2022 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) были введены 3 состава преступления, ужесточивших ответственность за осуществление диверсионной деятельности [1]: (1) ст. 281.1 – содействие диверсионной деятельности, (2) ст. 281.2 – прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, (3) ст. 281.3 – организация диверсионного сообщества и участие в нем. В пояснительной записке к законопроекту, содержащему новеллы уголовного законодательства, указано, что данная криминализация связана с несоответствием предпринятых мер противодействия диверсионной деятельности возросшей общественной опасности этих деяний. И, по нашему мнению, именно социальные сети стали катализатором происходящих событий.

Принято считать [4; 59], что криминализация – это не просто установление уголовно-правового запрета в законе – это процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации

их в законе в качестве преступных и, следовательно, уголовно наказуемых, основанием которого является только общественная опасность [3].

На наш взгляд, чтобы наиболее точно обосновать, почему социальные сети повлияли на такое бдительное внимание законодателя к преступлениям диверсионной направленности, необходимо применить подход А.И. Коробеева, выделившего 3 группы факторов установления уголовно-правового запрета: (1) юридико-криминологическая, (2) социально-экономическая, (3) социально-психологическая [2; 106-107]. Последующее изложение будет идти по данной структуре.

Основаниями юридико-криминологической группы являются степень опасности деяний, относительная распространенность деяний и их типичность.

Анонимность социальных сетей увеличила степень общественной опасности диверсий. Во-первых, мессенджеры позволяют сформировать организованную группу, в том числе и диверсионное сообщество с ярко выраженным структурными подразделениями и иерархией. Так, в Калининграде в 2024 году были задержаны двое местных жителей по подозрению в формировании диверсионного сообщества с распределением функций: один мужчина искал объекты, подходящие для повреждения и разрушения, второй же занимался поиском людей, которые могли бы осуществить диверсионную деятельность [9]. Во-вторых, с помощью социальных сетей возможно совершить диверсию в отношении нескольких объектов одновременно.

С началом специальной военной операции диверсионная деятельность значительно распространилась: все чаще людьми, завербованными в мессенджерах иностранными разведчиками [6; 111], совершались поджоги и иные действия, направленные на повреждение объектов Вооруженных Сил РФ, топливно-энергетического комплекса, транспортной инфраструктуры, средств связи, например, военкоматов [7] и релейных шкафов на железной дороге [8]. Данные доводы подтверждаются статистикой: если в 2018-2021 гг. по ст. 281 УК

РФ в России регистрировалось по одному преступлению в год, то в 2022 г. – 23, в 2023 г. – 154 [6; 112].

Как видно, с юридико-криминологической точки зрения социальные сети, имея высокую анонимность и доступность, позволили осуществляться диверсионной деятельность более быстро, интенсивно и часто.

Следующая группа факторов криминализации называется социально-экономической, под которой понимается причиняемый деянием материальный и моральный ущерб. С точки зрения данных факторов влияние социальных сетей едва ли заметно в качестве, т.е. характере общественной опасности. Как было описано выше, коммуникация через мессенджеры позволяет координировать действия диверсантов в отношении нескольких объектов одновременно, от чего материальный ущерб возрастает.

Третья группа факторов криминализации имеет социально-психологическую направленность. К ней относится определенный уровень общественного правосознания и психологии.

Безусловно, умысел лиц, совершающих данные преступления, направлен на подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности РФ. А участившиеся случаи породили в обществе потребность применения усиленных мер борьбы с диверсионной деятельностью. К сожалению, и в данном случае технологические возможности социальных сетей неизбежно влияют на общественное и индивидуальное правосознание.

Во-первых, социальные сети способствуют развитию «клипового мышления» [5; 67]: ролик с качественной анимацией и монтажом об «исторической правде» на 30 секунд более привлекателен, нежели чем учебник по истории. Информация в подобном виде быстро усваивается, а желание перепроверить полученную информацию на достоверность едва ли возникает. Во-вторых, даже применение алгоритмов социальных сетей не обеспечит вакуум от пропаганды диверсии: в такой ситуации может проявиться теория «окно

Овертона» - изначально не приемлемая информация при многократном повторении и нормализации становится привычной. В-третьих, в данном случае неизбежно влияние нейролингвистического программирования (*далее – НЛП*). Приемы НЛП способствуют активизации желаемого поведения, не позволяя объекту воздействия усомниться в наличии положительных сторон в задаваемых установках.

Приемы НЛП особенно заметны при персональном воздействии. Как правило, вербовщики изучают новостные ленты и каналы в мессенджере «Telegram», ищут «будущих» диверсантов, анализируют их профиль, комментарии, собирают личную информацию и на основании этих данных вербуют [6; 111]. Опасности подвергнуты чаще всего несовершеннолетние и пенсионеры – незащищенные группы населения. Несовершеннолетних удается завербовать посредством предложения получить денежное вознаграждение. К тому же, их уверяют в том, что, например, поджог релейного шкафа – это баловство, это уголовно не наказуемо и нечего бояться. Люди же старшего поколения подвергаются сначала мошенничеству: с помощью социальной инженерии преступники получают доступ к денежным средствам, а дальше ставят условие их возвращения – совершение диверсии. Разумеется, диверсанты никакого денежного вознаграждения не получают. Также вербовщики применяют угрозы по отношению не только к вербумому, но и его членам семьи [6; 112].

Влияние социальных сетей на криминализацию деяний диверсионной направленности ярче всего проявилось в социально-психологическом аспекте: использование социальных сетей в целях осуществления преступной деятельности не так общественно опасно, как воздействие на правосознание и психологию людей.

Подводя итоги, хочется отметить, что законодателем был выбран удачный подход – была ужесточена уголовная ответственность действий, которые не относятся к выполнению самой объективной стороны диверсии (ст. 281.3 УК РФ,

например, устанавливает специальное правило о привлечении к уголовной ответственности за пособничество, ст.ст. 281.1 и 281.3 – за определенные действия на стадии приготовления). Установление данного уголовно-правового запрета было своевременной и закономерной реакцией на увеличение степени общественной опасности диверсионной деятельности, материального ущерба и потребность общества в принятии более эффективных уголовно-правовых мер борьбы с диверсионной деятельностью.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
2. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 106-107
3. Агафонова М. А.. Основание криминализации деяний // Вестник Московского университета, серия 11, право, № 5, 2015
4. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 59.
5. Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний, № 3, 2019.
6. Тисен О.Н. Доказывание преступлений диверсионной направленности: по материалам судебной практики. // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: Международная научно-практическая конференция, 7 ноября 2024 г.: сборник научных трудов / [сост. П. О. Панфилов]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025.

7. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 по делу N 55-408/2023 // СПС «КонсультантПлюс»
8. Акбирова З. Суд в Татарстане приговорил трех человек к реальным срокам по делу о поджоге релейного шкафа // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6747719> (дата обращения: 07.09.2025)
9. Рудашевская О. Сотрудники ФСБ задержали двоих россиян за организацию диверсионного сообщества // Газета.Ru, URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/11/22766102.shtml?updated> (дата обращения: 07.09.2025)